

Андрей Родин

Событие и среда

(тезисы доклада на Всемирном философском конгрессе, Бостон, Август 1998 г.)

Понятие *события* стало играть фундаментальную роль в науке после создания таких революционных физических теорий как теория относительности и квантовая механика. В наши дни понятие события широко используется также в синергетике. Чтобы показать важность понятия события для психологии и социологии 20-го века, достаточно назвать имена Маркса и Фрейда. Понятие социального события (революции) так же существенно для марксизма как и понятие психологического события (детской травмы) для психоанализа Фрейда. Нельзя сказать, что философы нашего века проходили мимо понятия события: среди тех, кто его разрабатывал - такие фигуры как Хайдеггер, Делез и Дэвидсон. Однако их концепции события (которые не могут здесь разбираться) не имеют отношения ни к науке, ни, вообще, к знанию. Вопрос о том, что такое событие как предмет знания, остается вне поля зрения этих философов. Ответ на этот вопрос является первой целью настоящей статьи.

Вторая цель статьи - дать понятие *окружающей среды*, которое, как будет показано, оказывается коррелятивным понятию события. Пара событие/среда в рамках нашего подхода играет роль, подобную паре факт/мир в рамках эмпирического подхода. Я думаю, что важность понятия окружающей среды для современного знания является очевидной.

1. Событие и факт

Витгенштейн говорит, что «мир это совокупность фактов, а не вещей» (*Tractatus* 1.1). Он противопоставляет факты вещам на том основании, что вещь существует «в себе», а факт не может быть отделен от априорной «логической формы», в которой он дается. Таким образом, факт всегда отсылает к своим априорным

условиям. Принимая во внимание, каким образом понятие события используется в физике, марксистской социологии и психоанализе, мы замечаем, что во всех этих случаях событие отсылает не к постоянным условиям опыта, а к самому акту взаимодействия между исследователем и исследуемыми объектами. В самом деле, в **теории относительности** событием называется все, что определяется в пространстве-времени своими координатами. Поскольку и «событие», и «факт» в физике являются базовыми неопределяемыми терминами, то, что в теории относительности говорят о событиях, а не о фактах, можно посчитать чистой условностью. Ведь когда известно, что некоторое тело имеет такие-то пространственные координаты в определенный момент времени, в классической физике это называют фактом. Событие в теории относительности отличается от факта классической механики тем способом, которым оно делается известным: если факт классической механики наблюдается единственным абсолютным «внешним наблюдателем» (то есть все эмпирические отдельные наблюдатели могут быть сведены к одному трансцендентальному наблюдателю), событие теории относительности фиксируется рядом отдельных (несводимых к одному) наблюдателей, которые описывают «одно и то же» событие по-разному. Описание события в теории относительности зависит от такого апостериорного (эмпирического) условия наблюдения как скорость наблюдателя, что ставит наблюдателя и то, что он наблюдает, в одну и ту же позицию эмпирической вещи в мире. Такое наблюдение оказывается скорее *коммуникацией* (или, используя термин Делеза, «коммуникацией событий»).

Подобным образом, событие взаимодействия частиц в **квантовой механике** не наблюдается со стороны, как взаимодействие тел в ньютоновской механике, но само оказывается инструментом собственного наблюдения. Например, взаимодействие между фотоном и любой другой частицей нельзя просто «увидеть», поскольку фотон это «средство» зрения, а не его объект. Таким образом, в квантовой механике так же как и в теории относительности наблюдение имеет эмпирические условия, которые вовлекают наблюдателя в наблюдаемую реальность.

Новая позиция наблюдателя в теории относительности и квантовой механике очевидным образом соответствует **марксистской** идее (и практике) «не только объяснять мир, но изменять его». Это не означает простой необходимости восполнять теорию практикой. Маркс говорит о *невозможности* социальной теории, не ангажированной в социальную реальность, понятую как борьбу экономических и политических интересов. Следовательно, социальное событие (революция) в марксистском смысле слова это не практическая реализация некоторой социальной теории, а скорее манифестация нового социального дискурса.

Наконец, в **психоанализе** *вспоминание* подавленных травматических событий детства это не наблюдение и не интроспекция, но лечебная процедура. Травматические события не существуют независимо от общения аналитика с пациентом, от цепи свободных ассоциаций пациента и их интерпретаций. Реконструкция таких событий не может быть подтверждена с помощью воспроизведения этой процедуры, как это делается, когда одна физическая лаборатория подтверждает результаты, полученные в другой лаборатории, повторяя ее эксперименты, поскольку после однажды произведенной реконструкции психику пациента уже нельзя вернуть к первоначальному состоянию и не учитывать, что однажды реконструкция уже была произведена. Я думаю, что различие между фактами чей-либо биографии и событиями его или ее жизни имеет большое этическое значение.

То, что события отсылают к отдельным актам взаимодействия между наблюдателем и наблюдаемой реальностью вовсе не значит, что события можно отождествлять с такими актами. Это значит только то, что в случае события множество таких актов не может быть подведено под всеобщие трансцендентальные условия опыта. Это важный вывод, но он является чисто отрицательным. Можно сделать другие отрицательные выводы: событие это не глубокое внутреннее единство своих внешних реперезентаций, оно ни объективно, ни субъективно, оно не относится ни к области теоретического, ни к области практического. Позитивным в нашей дискуссии было понимание события как

коммуникации или взаимодействия. Как будет показано ниже, эта идея позволяет сделать событие операциональным понятием.

2. История и доистория

Понятие события является новым для науки, но не для знания в целом. Оно всегда использовалось в истории. Интуитивно различие между фактом и событием в истории представляется следующим: факты обычны, а события исключительны. Действительный факт обычен постольку, поскольку это всегда один из возможных фактов, то есть он всегда принадлежит к некоторому существующему полю возможностей. Событие исключительно постольку, поскольку оно изменяет само это поле. Поэтому события являются в некотором смысле «невозможными фактами», создающими новые возможности и новые основания. Всякое событие является одновременно деструктивным и творческим: оно разрушает старую организацию и создает новую. Поэтому событие это катастрофа. Такое общепринятое понимание события соответствует специальному физическому понятию события, о котором мы говорили выше. Действительно, поскольку в отличие от факта у события нет постоянных «трансцендентальных условий», невозможно спрашивать на кантианский лад о том, как возможны события. С кантианской точки зрения события невозможны. Сделать сами условия опыта эмпирическими и изменчивыми, значит открыться событиям.

Историческое событие и исторический факт можно различить более аккуратно. Мы называем *историей* то, что реконструируется не по естественным признакам, а по своим предыдущим реконструкциям; мы называем *доисторией* то, что реконструируется (классическими) естественнонаучными методами. В отличие от доистории история отсылает не непосредственно к реальности, а к другим описаниям реальности. Историческое знание существенно зависимо не от каких-то всеобщих априорных условий знания, а от таких частных апостериорных эмпирических условий как количество и качество сохранившихся памятников и устных свидетельств. Именно поэтому история говорит о событиях. Внимание к эмпирическим условиям знания, которое возникло в физике, социологии и

психологии только в 20-м веке, всегда существовало в истории. Следовательно, появление понятия события в новых областях знания было следствием введения методологии, которая по своему существу была исторической.

Доистория не говорит о событиях, а представляет факты. Тот факт, что *Homo sapiens* начал использовать бронзовые орудия около 3500 лет до Р.Х. методологически эквивалентен тому факту, что молекула воды состоит из одного атома кислорода и двух атомов водорода - оба факта предполагают процедуру экспериментальной проверки. Нельзя игнорировать методологический разрыв между историей и доисторией, и просто совмещая исторические и естественнонаучные сведения, создавать «историю мира» как единый рассказ, трактующий и исторические события нашего века, и возникновение жизни на Земле. С другой стороны, я думаю, что времена, когда *Homo sapiens* не существовал важно понять *исторически*. Идея исключить из истории времена, когда *Homo sapiens* не существовал, является такой же антиисторической как и идея развивать историю, опираясь только на чью-либо личную память. Я думаю, что исторический подход к доистории возможен на основе внутреннего «исторического поворота» в методологии естественных наук, упомянутого выше.

Заметим, что исторический подход к доистории релятивизирует различие между естественными признаками как материалом естественных наук и письменными источниками как материалом истории. Однако это не значит, что Природа трактуется как сплошной Текст, поскольку понимание естественных признаков как особого рода знаков представляет собой только один аспект такой релятивизации. Ее другой аспект состоит в понимании письменных источников как материальных объектов, изготовленных с помощью определенных технологий и для определенных целей. «Исторический подход к доистории» оказывается в то же время «доисторическим подходом к истории». При таком подходе история и доистория оказываются двумя аспектами всякого рассмотрения, а не двумя последовательными стадиями развития *Homo sapiens*.

То, что я родился в 1965 году в Москве - это событие или факт? Это событие постольку, поскольку оно не отделяется от событий документирования моего

рождения, от событий воспоминаний о моем рождении, рассказов и пересказов историй об этом событии. Соответствующими социальными институтами моему рождению может быть придан статус доказанного факта. Условия, необходимые для того, чтобы некоторое социальное событие получило статус факта, определяются законом. Так же как в случае естественных наук, подтверждение исторического факта означает обобщение некоторой серии событий («экспериментальной серии» в случае естественнонаучного факта и «документальной» или «нарративной» серии в случае исторического факта). Заметим, что принятие некоторого события в качестве факта само является событием. Таким образом, факт можно считать определенной *модальностью* события.

Очевидно, что не всякое событие может получить статус факта. Фактом не может стать ничто исключительное. Уникальное личное переживание это не единственный пример события, которое не может получить статус факта. Другой пример это такое социальное событие как революция, в котором участвуют тысячи людей. Во время революции нет ни существующих правил, ни институтов, чтобы провести процедуру установления факта. После революции некоторые факты, относящиеся к революции, могут быть установлены с помощью заново созданных институтов, однако саму революцию можно трактовать только как историческое событие. Если бы мы ограничили историю только установленными фактами, исключая все рассказы о событиях как недостоверные, мы лишились бы большей части истории. Более того, мы лишились бы самой важной части истории, которая трактует события, меняющие нашу жизнь, и остались бы только с рутинными описаниями фактов нашей обыденной жизни.

Ключевой вопрос состоит в том, каким образом рассказ о событиях может быть достоверным. Отдельные документы и устные свидетельства играют для истории роль, подобную той, которую отдельные тесты и измерения играют в естественных науках. Задача ученого-естественника состоит в обобщении экспериментальных данных, а задача историка - в обобщении исторических свидетельств. Введение в физику понятия события определенно не превращает ее в собрание отдельных

наблюдений. Аналогичным образом, способность истории рассказывать о событиях не превращает ее в собрание слухов. Вопрос состоит в том, каким образом рассказ о событии может быть знанием.

3. Один мир и общая среда

Когда серия экспериментов удостоверяет некоторый факт, предполагается, что при различных измерениях наблюдается *один и тот же* факт. Различия между результатами отдельных измерений считаются неизбежной ошибкой, которая делает эмпирическое знание только приблизительным. При каждом измерении предполагается измеряемое «реальное значение», более или менее «близкое» результатам всех отдельных измерений; соответственно, предполагается, что результат каждого отдельного измерения в большей или меньшей степени «отклоняется» от реального значения. Эти предположения позволяют *обобщить* серию измерений, чтобы затем постулировать некоторый экспериментальный *факт*, полученный таким-то методом и состоящий в том, что определенная физическая величина имеет такое-то реальное значение.

Серия измерений в теории относительности или серия рассказов в истории также может относиться к *одному и тому же* событию. Более того, всякое событие предполагает такую серию. Однако в отличие от случая факта, в случае события элементы серии и то, к чему они все относятся, имеют одну и ту же природу: это все события. Поэтому событие, в отличие от факта, нельзя отделить от его наблюдения. Элементы серии событий отсылают друг к другу, серия в целом отсылает к другой серии, и т.д. Серия коммуницирующих событий (или коммуникация серий событий) это *одно и то же* событие. Не имея ни общей схемы, подобной классическому экспериментальному «методу», ни «сердцевины», подобной «реальному значению», событие (серия событий) образует то, что Делез называет «ризомой» - сложное многообразие без всяких конституирующих элементов. Очевидно, о ризоме невозможно никакое знание.

Я думаю, однако, что знание о событиях возможно, если для них использовать специальное понятие тождества. Более того, я думаю, что без такого понятия

говорить о событиях бессмысленно. Тождество события основано на инвариантах коммуникации. Аристотель называл такие инварианты «топосами» (что переводили на латынь как «общие места»). Буквально это означает «место», где происходит коммуникация. Расширяя смысл аристотелевского «топоса», мы можем считать таким «местом» любой элемент языка вплоть до отдельного слова. Места коммуникации являются общими, но не всеобщими. Однако тождество слова или риторического «места» это то, что может быть частью знания. Поэтому тождество события как коммуникации это тождество *общины*, тождество ее средств общения (в частности, тождество языка).

Тождество (места) события отличается от тождества факта тем, что место коммуникации не наблюдается и не конструируется со стороны с помощью некоторой всеобщей «логической формы», делающей наблюдение или конструкцию возможными. Место коммуникации это то, что «под рукой» (*das Zuhandene* у Хайдеггера), общая среда, которая делает возможной коммуникацию. Если факт наблюдается (конструируется) «внешним наблюдателем» классической физики в качестве элемента *мира* (ср. Витгенштейн *Tractatus* 1.2), место коммуникации «занимается» как часть окружающей среды. Язык можно рассматривать как парадигмальный пример того, что такое среда. Если верно, однако, что *всякое* событие имеет коммуникативную природу, *среду события* нужно также понимать намного шире, чем человеческий язык. Физические события, о которых говорит теория относительности и квантовая механика, происходят в физической среде, которая наряду с языками является частью общей среды. Я полагаю, что гравитационное и квантовое поля можно понять в этом смысле. Такие понятия как «социальное поле» и «бессознательное» являются, как я думаю, другими примерами среды, которые нужно исследовать на предмет происходящих в них событий. Математическая теория катастроф также оказывается топологической. Представляется, что изучение «топологии среды» оказывается новой методологией для самых различных областей знания, использующих понятие события.

Таким образом, я думаю, что вслед за «лингвистическим поворотом» в философии следовало бы отказаться от идеи об особом статусе человеческого языка как эмпирического феномена и расширить «лингвистическую парадигму» до «парадигмы среды». Однако нужно аккуратно следить за тем, чтобы не превратить среду в новую тотальность. В отличие от мира среда это не тотальность, а *многообразие* (хотя, вообще говоря, и не *ризом*).

Хайдеггер ввел понятия окружающей среды (*die Umwelt*) и события (*das Ereignis*), стараясь понять, что значит *быть* в мире, а не просто познать мир. Я думаю, однако, что на самом деле он столкнулся с ситуацией, когда *старая* идея знания не отвечала больше *новым* экзистенциальным запросам (хотя, наверное, отвечала экзистенциальным запросам нового времени). Сегодня мы видим, что старая идея знания не отвечает также новым *научным* запросам, в то время как такие «экзистенциальные» понятия как «событие» и «окружающая среда» оказываются полезными для знания.